

К ИСТОРИИ ДУЭЛИ ПУШКИНА

Кто был автором анонимных писем?

I

На темный вопрос о том, кто был автором злоплучного „диплома“, полученного Пушкиным, мы до сих пор еще не имеем окончательного и ясного ответа. Интересное исследование Б. Л. Модзалевского, содержащее в себе целый ряд весьма цепких указаний, все-таки не может служить разрешением загадки¹⁾.

О виновниках появления анонимных писем ходили самые разнообразные слухи. Как известно, в создании их подозревали бар. Геккерена-отца, кн. Ивана Сергеевича Гагарина, кн. Петра Владимировича Долгорукова и графа Сергея Семеновича Уварова. К этим ославленным именам, на основании публикуемого ниже отрывка из неизданной записной книги кн. А. М. Голицына, мы можем теперь присоединить имя гр. Марии Дмитриевны Нессельроде, жены министра иностранных дел гр. Карла Васильевича²⁾.

---

¹⁾ „Кто был автором анонимных писем“ в сб. „Новые материалы о дуэли и смерти Пушкина“. Л. 1924. Изд. „Атеней“.

²⁾ За разрешение опубликовать эти данные, а также за сделанные нам весьма ценные указания мы пользуемся случаем

Молва, обвиняющая гр. С. С. Уварова, создателя знаменитой формулы „православие, самодержавие, народность“, повидимому не располагала объективными уличающими данными. Это обвинение, основывавшееся повидимому лишь на взаимной неприязни поэта и министра, вообще точно и определенно формулировано не было ¹⁾.

Невиновность старика Геккерена, после исследований П. Е. Щеголева ²⁾, покойного А. С. Полякова ³⁾, Б. Л. Модзалевского и графического анализа Б. Томашевского ⁴⁾, следует считать доказанной. Но на виновности И. С. Гагарина и П. В. Долгорукова нам бы хотелось остановиться. Их имена петербургское общество стало произносить, как известно, сразу после смерти Пушкина. Во время похорон поэта Александр Иванович Тургенев внимательно и напряженно, хотя и безрезультатно, следил, не обнаружит ли Гагарин признаков „смущения или угрызения совести“ при

выразить свою признательность В. М. и М. В. Голицыным. Рядом существенных советов мы обязаны М. А. Цявловскому.

1) О взаимоотношениях Пушкина и Уварова см. примечания Н. О. Лернера к эпиграмме „На выздоровление Лукулла“ в т. VI Венгеровского собр. соч. Пушкина; „Дневник“ Пушкина (февраль 1835 г.) и примечания к нему М. Сперанского (М. 1923) и Б. Модзалевского (П. 1923). См. также „Рассказы о Пушкине“, записанные со слов его друзей П. И. Бартевым (ред. М. А. Цявловского). М. 1925, стр. 43.

2) „Дуэль и смерть Пушкина“.

3) „О смерти Пушкина“ (П. 1922), стр. 14—22.

4) „Мог ли иностранец написать анонимный пасквиль на Пушкина“ („Новые материалы“, стр. 131 и след.).

прощании с покойником ¹⁾. По свидетельству дочери Пушкина, гр. Наталии Александровны Меренберг, авторами анонимных писем Н. Н. Пушкина-Ланская всегда считала Гагарина и Долгорукова ²⁾. Впервые эти обвинения были опубликованы А. Аммосовым в его брошюре о последних днях и кончине Пушкина ³⁾. На чем же они были основаны?

По свидетельству С. А. Соболевского, „главнейшим поводом“ к обвинению Гагарина послужило то обстоятельство, что бумага, на которой был написан роковой „диплом“, оказалась сходной с тою, какую употреблял в то время Гагарин. У Аммосова мы читаем: „Поводом к подозрению князя Гагарина в авторстве безымянных писем послужило то, что они были писаны на бумаге, одинакового формата с бумагой князя Гагарина“. Аммосов спешит добавить, что, находясь уже за границей, Гагарин признался, что „записки были писаны действительно на его бумаге, но только не им, а князем Петром Владимировичем Долгоруковым ⁴⁾“.

Приведенные соображения едва ли можно принять в качестве решающего аргумента против Гагарина

---

1) „Русский Архив“, 1865, стр. 1034—1035. См. также записи в дневнике А. И. Тургенева.

2) „Новые материалы“, стр. 128. „Беседа М. И. Семевского с дочерью Пушкина“.

3) А. Аммосов.—„Последние дни жизни и кончина А. С. Пушкина.“ Со слов бывшего его лицейского товарища и секунданта К. Данзаса. Изд. Я. А. Исакова. Спб. 1863.

4) Аммосов, стр. 9—10.

и Долгорукова. Ответ самого Гагарина можно считать вполне правдоподобным. „Я действительно приметил“,—пишет он,—„что письмо, показанное мне К [лементием] О [сиповичем] Р [оссетом], было писано на бумаге, подобной той, которую я употреблял. Но это ровно ничего не значит: на этой бумаге не было никаких особенных знаков, ни герба, ни литер. Эту бумагу не нарочно для меня делали: я ее покупал, сколько могу припомнить, в английском магазине, и вероятно половина Петербурга покупала тут бумагу“¹⁾.

Таким образом, из „оправдания“ И. С. Гагарина выясняется, что Аммосовское указание, будто бы он „признался“ в том, что пасквилы были написаны на принадлежащей ему бумаге—не соответствует истине. Кроме того, Гагарин вовсе не указывал в свою очередь на Долгорукова, как на автора писем. Напротив, Гагарин, в том же „оправдании“, свидетельствует, что, живя „во время несчастной этой истории“ на одной квартире с Долгоруковым²⁾, он не приметил никаких доказательств его виновности. В разговоре с С. А. Соболевским, происшедшем в 1861 г., Гагарин старался оправдать Долгорукова³⁾. Следовательно, в книжке Аммосова содержится несомненная клевета на Гагарина⁴⁾.

---

1) См. „Оправдание иезуита Ивана Гагарина по поводу смерти Пушкина“.—„Русский Архив“, 1865 г., стр. 1036. (Перепечатано из „Биржевых Ведомостей“, 1865 г., № 154).

2) На Миллионной.

3) „Новые материалы“, стр. 25.

4) См. Письмо к редактору „Современника“ П. Долгорукова в т. ХСVIII „Современника“ (1863 г., кн. 9, стр. 199). Помещено редакцией без всяких комментариев.

Вторым аргументом для обвинений Гагарина и Долгорукова служило то обстоятельство, что на конверте „диплома“, полученного К. О. Россетом, „подробно описан был не только дом его жительства, куда повернуть, взойдя на двор, по какой итти лестнице и какая дверь его квартиры. Сии подробности, неизвестные Геккерену, мог ли только знать эти два молодые человека, часто посещавшие Россета“¹⁾.

Едва ли и это обвинение можно признать серьезным и достаточно убедительным. Подробности относительно месторасположения квартиры К. О. Россета могли знать не только Гагарин и Долгоруков, но и другие его знакомые. Правда, в „рассказах“ Аркадия Осиповича Россета про Пушкина, записанных П. И. Бартеневым и просмотренных самим рассказчиком, имеется следующее указание: „Князя Г [агарин] и Д [олгоруков] посещали иногда братьев Россет, живших вместе с Скалоном на Михайловской площади в доме Занфтлебена. К. О. Россет получил анонимное письмо и по почерку стал догадываться, что это от них“²⁾.

Наконец, в глазах петербургского общества подозрение на Гагарина „подкреплялось еще тем, что он был очень мало знаком с Пушкиным и казался очень убитым тайной грустью“ после смерти поэта³⁾. Последовавшее (в 1843 г.) вступление И. С. Гагарина

---

1) Из памятных записок Н. М. Смирнова—„Русский Архив“, 1882, кн. 2, стр. 235.

2) Там же, стр. 248.

3) „Русский Архив“, 1882, кн. 2, стр. 235.

в ахсоланскую обитель ордена иезуитов, по мнению многих, объяснялось мучениями совести за совершенное им преступление.—Неосновательность и необидительность подобных подозрений бросается в глаза ¹⁾).

Быть может, не все обвинения, выдвигавшиеся против Гагарина и Долгорукова, дошли до нас, но все же нам представляется странной та доверчивость и легкость, с которой тогдашнее общество приняло и распространяло приведенные выше весьма мало доказательные обвинения. По указанию П. Е. Щеголева, повидимому, лишь один М. Н. Лонгинов печатно высказал Аммосову порицание за пред'явление обвинения без всяких доказательств ²⁾). Критик „Современника“ К. Петров, отпуская несколько иронических замечаний в сторону Аммосова, „имя которого встречалось под двумя, тремя убогими стихотворениями“, все-таки почти дословно повторяет Аммосовскую версию ³⁾).

II

Как известно, объяснения Гагарина и особенно Долгорукова далеко не всем показались заслуживающими доверия. Так, например, Петр Иванович Бартнев, перепечатывая у себя в „Русском Архиве“ письмо Гагарина, замечает, что „оба оправдания как это, так и указанное нами—П. В. Долгорукова, равно

---

¹⁾ См. Щеголев „Князя И. С. Гагарина и П. В. Долгоруков в деле Пушкина“ („Дуэль“, стр. 421—422).

²⁾ Там же, стр. 416.

³⁾ „Современник“, т. ХСVI. 1863, июнь, стр. 317.

не убедительны. Оба отрекаются, ссылаясь лишь на свои знакомства и на собственную честность" ¹⁾). Но нам остается повторить вопрос, поставленный П. Е. Щеголевым: „в сущности, какие же доказательства могли они привести, и не лежит ли тяжесть доказательств на тех, кто пред'являет к ним подобные обвинения" ²⁾).

Трудность их положения обуславливалась еще целым рядом привходящих обстоятельств. Ведь И. С. Гагарин с 1843 г. безвыездно жил за границей, и его переход в католичество был встречен в России весьма неодобрительно. Следует напомнить, что некоторые лица отказывались верить „оправданию" Гагарина главным образом потому, что он стал иезуитом ³⁾). Что же касается Долгорукова, то он, как известно, издав в 1841 г. за границей, под псевдонимом гр. Альмагро, разоблачительную брошюру „Notices sur les principales familles de la Russie“, был вызван в Россию, арестован и сослан в Вятку, где пробыл до 1844 г. Тайно скрывшись в 1859 г. за границу, он издал там в 1860 г. книгу „La vérité sur la Russie“, в которой он в весьма резком тоне говорил о необходимости упразднения III Отделения, высказывался за введение в России конституционного строя и т. д.

---

1) „Русский Архив“, 1865, стр. 1031.

2) „Дуэль“, стр. 421.

3) См. у Щеголева указание на брошюру П. Устимовича („Дуэль“, стр. 421). Даже К. Петров в Некрасовском „Современнике“ язвительно назвал Гагарина „достойным последователем Лойолы“ (т. ХСVI, 1863, июнь, стр. 319).

Отказавшись подчиниться правительственному предписанию вернуться в Россию, Долгоруков был в 1861 г. заочно присужден к лишению всех прав состояния, титула и к пожизненному изгнанию. В ответ на это он написал на шумевшее на всю Европу письмо Александру II¹⁾.

Не беря на себя защиту Долгорукова, мы все-таки считаем нужным отметить, что при резко отрицательном отношении николаевского правительства на него было очень легко и удобно возвести какие угодно обвинения.

В настоящее время вопрос о виновности Гагарина, за отсутствием прямых и неопровержимых обвинений, можно считать решенным в отрицательном смысле. Даже Н. А. Меренберг указывает, что „ему еще можно было верить“²⁾. Н. С. Лесков счел необходимым на страницах „Исторического Вестника“ высказаться в защиту Гагарина. В статье „Иезуит Гагарин в деле Пушкина“ он поделился своими впечатлениями от парижских встреч с Гагариным за год до его смерти, т.-е. в 1881 г. Последний, считавший себя жестоко и незаслуженно оклеветанным, произвел на Лескова благоприятное впечатление³⁾. Известно, что и И. С. Аксаков также верил словам Гагарина⁴⁾. Из

---

1) См. статьи М. К. Лемке „П. В. Долгоруков в Россия“ и „П. В. Долгоруков—эмигрант“ („Былое“, 1907, февраль и март), а также статью С. Блеклова в 18 томе словаря Гранат.

2) „Новые материалы“, стр. 129.

3) „Исторический Вестник“, 1886, июль, стр. 269—273.

4) Это видно из ответного письма Аксакова Лескову. См. там же, стр. 273.

опубликованного Б. Л. Модзалевским письма С. А. Соболевского к князю Семену Михайловичу Воронцову выясняется, что у друга Пушкина, после разговора с Гагариным в 1861 г., не осталось и тени подозрения: „я слишком люблю и уважаю Г[агарина], чтобы иметь на него хотя бы малейшее подозрение“¹⁾. На полях записанного П. И. Бартевым рассказа Александры Ивановны Васильчиковой о последней дуэли Пушкина, против указания: „В анонимных письмах участвовал еще и Гагарин, удалившийся после на Запад и перешедший в иезуиты“—Соболевский сделал отметку: „Твердо уверен, что это клевета“²⁾.

С вопросом о виновности Долгорукова дело обстояло и обстоит значительно сложнее. В то время, как Гагарин производил обычно впечатление благоприятное, Долгоруков был известен, как человек весьма низкого морального уровня, нередко лгавший и не заслуживающий доверия. Общеизвестен переданный П. И. Бартевым факт, что однажды в Петербурге в зимний сезон 1836—37 гг., на одном из больших вечеров, гр. Владимир Федорович Адлерберг заметил, что стоящий сзади Пушкина Долгоруков „кому-то указывал на Дантеса и при этом подымал вверх пальцы, растопыривая их рогами. В это время в Петербургском обществе уже ходили безымянные письма, рассылаемые к приятелям Пушкина для передачи ему и содержавшие в себе извещение о поступлении

---

1) „Новые материалы“, стр. 25.

2) „Рассказы о Пушкине“, М. 1925, стр. 39.

Пушкина в так называемое общество роконосцев¹⁾. У Соболевского „была тысяча мелких поводов“ предполагать, что „жестокое дело“ написания анонимных писем исходило от Долгорукова²⁾. Соболевский допускал, что Долгоруков, живший в то время на одной квартире с Гагариным, свободно мог воспользоваться бумагой последнего. Следует отметить, что и в этом случае обвинение вертится вокруг весьма шатко обоснованной версии о тождественности бумаги, на которой были написаны пасквили, с бумагой Гагарина. По вопросу о создателе „диплома“ князь Петр Андреевич Вяземский, как известно, предполагал, что Долгоруков был в состоянии „сделать эту гнусность“, но в то же время он считал обвинение „еще не доказанным“³⁾. Вспомним, что Герцен в 1862 г. на страницах „Колокола“ выступил в защиту Долгорукова⁴⁾.

Б. Л. Модзалевский в своем ценном исследовании „Кто был автором анонимных пасквилей на Пушкина“, на которое нам уже приходилось неоднократно ссылаться, в сущности не приводит новых объективных доказательств виновности Долгорукова. Положения ученого пушкиниста сводятся к тому, что такой

---

1) Из записной книжки „Русского Архива“. Помещено П. И. Бартеневым с отметкой: „Слышано от покойного графа В. Ф. Адлерберга“ в книге 8 за 1892 г., стр. 489.

2) „Новые материалы“, стр. 24.

3) „Русский Архив“, 1901, книга III, стр. 255.

4) См. „Былое“, 1907, март. Статья П. Е. Щеголева: „П. В. Долгоруков“.

действительно беспринципный и даже аморальный человек, как Долгоруков, мог совершить подобный поступок.

III

Неизданные записки князя А. М. Голицына проливают значительную долю света на загадочное и темное дело об анонимных письмах.

Рукопись представляет собою переплетенную в желтую кожу тетрадь, содержащую 144 пронумерованных страницы, при чем оборотные их стороны лишены пагинации и почти всюду оставлены незаполненными. Бумага плотная, голубоватого цвета (размер $23\frac{1}{2} \times 37\frac{1}{2}$ сент.), имеет водяные знаки в виде надписи: „Comp. W. Howard export“ и торгового клейма фирмы. Записки эти, как явствует из сделанной в начале текста надписи, начаты были в 1900 г., велись несомненно не систематически, располагались на страницах не в хронологическом порядке и окончены были не ранее 1908 г. Автор записок, родившийся в Москве 22 мая 1838 г., был церемониймейстером и звенигородским уездным предводителем дворянства, но нигде не служил. Между прочим, он хорошо знал С. А. Соболевского, П. П. Вяземского и отчасти П. А. Вяземского (в старости). Умер он в преклонном возрасте 5 мая 1919 г.¹⁾

---

1) Сведения об А. М. Голицыне см. „Род князей Голицыных“. Сост. Н. Н. Голицын. Том I, Спб. 1892, стр. 210. Отец его, Михаил Федорович (1800—1873) был, между прочим, главным директором Моск. Голицынской больницы.

На стр. 112 записок мы читаем:

„Государь Александр Николаевич у себя в зимнем дворце за столом, в ограниченном кругу лиц, громко сказал: Eh bien, on connait maintenant l'auteur des lettres anonymes, qui ont causé la mort de Pouchkine; c'est Nesselrode¹⁾).

Слышал от особы, сидевшей возле государя.

Соболевский подозревал, но очень нерешительно, князя П. В. Долгорукова“.

Не подлежит сомнению, что мы имеем здесь свидетельство исключительного значения. К сожалению, А. М. Голицын не указывает имени того сановника, от которого он получил эти сведения, и не снабжает свое сообщение какой-либо датировкой. Но, по счастью, брат автора записок, ныне здравствующий Вл. М. Голицын, бывший московский губернатор и городской голова, сообщил нам, что это мог быть только или министр двора граф Александр Владимирович Адлерберг (1818—1888) или его двоюродный брат граф Эдуард Трофимович Баранов (1811—1884), любимец Александра II, приходившийся родным дядей автору записок.

Однако нам остается неясным, кого из Нессельроде назвал Александр II: графа ли Карла Васильевича, или его жену Марию Дмитриевну. Судя по правописанию, мы должны допустить, что дело идет о мужчине, а не о женщине. Но, с другой стороны, непосредственное участие в создании „диплома“ министра

---

¹⁾ Ну так вот теперь знают автора анонимных писем, которые были причиной смерти Пушкина; это Нессельроде.

иностранных дел нам представляется довольно сомнительным и маловероятным. Скорее в этом поступке могла быть виновна его жена.

Ни для кого не было секретом, что Пушкин и графиня М. Д. Нессельроде находились друг с другом в самых плохих и даже враждебных отношениях ¹⁾. Как известно, предполагалось, что причиной ненависти этой злопамятной и опасной женщины к Пушкину послужила приписываемая перу последнего эпиграмма, в которой был задет ее отец, министр финансов граф Д. А. Гурьев (1751—1825):

Встарь Голицын мудрость весил,
Гурьев грабил весь народ... и т. д.

Воспитанная на заграничный лад, русской литературой М. Д. Нессельроде, повидимому, совершенно не интересовалась. Нам представляется небезынтересным привести два отрывка из ее писем к сыну Дмитрию Карловичу. В письме из Петербурга от 18 января 1840 г. она писала, между прочим, следующее: „Со вчерашнего дня я в тревоге за Баранта, которого люблю: у сына его месяц тому назад была дуэль с гусарским офицером: дней пять только это и стало известно“. В письме от 28 февраля того же года мы читаем: „Я тебе сообщала о дуэли Баранта: офицер Лементьев под судом, а его секундант, который себя выдал, под арестом“ ²⁾. Не удивительно, если

¹⁾ А. Поляков, стр. 23—24, а также примечания к Дневнику Пушкина Б. Л. Модзалевского (П. 1923, стр. 75) и В. Ф. Саводника (М. 1923, стр. 230—231).

²⁾ „Русский Архив“ 1910, кн. 5, стр. 127 и 128.

великосветская дама, для которой имя Лермонтова решительно ничего не говорило, и своего врага— Пушкина оцепивала лишь как запоздалого и неудачливого камер-юнкера.

Несомненно, что Пушкин в свою очередь совершенно не переносил М. Д. Нессельроде. По свидетельству Павла Петровича Вяземского, эта женщина „самовластно председательствовала в высшем слое петербургского общества и была последней, гордой, могущественной представительницей того интернационального ареопага, который свои заседания имел в Сенжерменском предместьи Парижа, в салоне кн. Меттерних в Вене и в салоне гр. Нессельроде в доме Министерства Иностранных Дел в Петербурге. Ненависть Пушкина к этой последней представительнице космополитного олигархического ареопага едва ли не превышала ненависть его к Булгарину. Пушкин не пропускал случая клеймить эниграмматическими выходками и анекдотами свою надменную антагонистку, едва умевшую говорить по-русски“¹⁾.

У Пушкина были и чисто-личные побуждения ненавидеть М. Д. Нессельроде. Однажды, по приезде Пушкина в Петербург, последняя без ведома поэта повезла его жену на придворный вечер в Аничковом дворце. Пушкин пришел от этого в бешенство и „наговорил грубостей графине“²⁾. Самого графа Нессельроде Пушкин также не любил и отзывался о нем,

---

1) Собрание сочинений П. П. Вяземского. С.-Пб. 1893 г., стр. 562—563.

2) „Рассказы о Пушкине“, стр. 42.

как о человеке, способном на некрасивые и непорочные поступки. В „Дневнике“ поэта под 14 декабря 1833 г. мы читаем:

„Кочубей и Нессельроде получили по 200.000 на прокормление своих голодных крестьян.—Эти четыреста тысяч останутся в их карманах. В голодный год должно стараться о снискании работ и о уменьшении цен на хлеб; если же крестьяне узнают, что правительство или помещики намерены их кормить, то они не станут работать, и никто не в состоянии будет отратить от них голода. Все это очень соблазнительно. В обществе ропщут—а у Нессельроде и Кочубей будут балы (что также есть способ льстить двору)“¹).

Не исключена возможность, что нечто подобное Пушкин высказывал вслух, и это могло дойти до слухов Нессельроде.

Помимо приведенного выше свидетельства Александра Ц, мы не располагаем никакими прямыми доказательствами виновности М. Д. или К. В. Нессельроде в деле Пушкина. Но ряд косвенных на то указаний все-таки имеется.

Сам Пушкин, как это явствует из письма его к Бенкендорфу от 21 ноября 1836 г., подозревал в создании пасквилей Геккерена—отца. Но в воспоминаниях В. Соллогуба имеется следующее, весьма интересное указание о Пушкине: „В сочинении присланного ему всем известного диплома он подозревал

---

¹) Цитируем по изданию Румянцевского музея. М. 1923 года, стр. 39—40.

одну даму, которую мне и назвал¹⁾). Наиболее вероятным нам представляется предположение, что Пушкин разумел здесь именно — Нессельроде. Подозрение на Геккерена, родившееся, по всей вероятности, позднее, не может ли быть в значительной мере объяснено общей раздраженностью поэта против голландского посланника²⁾).

Из опубликованной А. С. Поляковым записки Л. Геккерена к Дантесу видно, что у графа Нессельроде имелся на руках экземпляр анонимного письма³⁾. Из этой же записки далее выясняется, что „M-me de N⁴⁾ et la comtesse Sophie B“⁵⁾ имели какое-то отношение к делу Пушкина — Дантеса и были хорошо о нем осведомлены. Весьма примечательным и не говорящим в пользу супругов Нессельроде является тот факт, что эта записка не была приобщена к делу Военно-судной Комиссии и не возвращена Геккерену-отцу, а оказалась запрятанной в Секретный Архив III Отделения. Невольно напрашивается мысль, что здесь имело место чье-то желание спрятать концы в воду. Любопытно, что в „Подлинном военно-судном деле 1837 г.“ о дуэли Пушкина с Дантесом (С.-Пб., 1900) не содержится ни одного документа, в котором бы упоминалось имя Нессельроде. Наконец, в „Записках“

---

1) „Русский Архив“. 1865 г. М. стр. 757 и след. Разрядка мая. В. Г.

2) Ср. Поляков, стр. 21—22.

3) Там же, стр. 17—18.

4) Очевидно, М. Д. Нессельроде.

5) Повидимому, С. И. Борх.—См. там же, стр. 24—25.

А. О. Смирновой мы читаем: „Это не Нессельроде распространили сплетни,—ничто не может быть так мало на них похоже. Вяземский не любит графини Нессельроде, и он приписывает ей то, чего нет“¹⁾.

Разумеется, относиться с большой доверчивостью к словам А. О. Смирновой нам—не приходится, но, повидимому, все-таки какие-то подозрения по поводу участия супругов Нессельроде в деле Пушкина—Дантеса и тогда уже существовали в петербургском обществе. Все эти данные, как мы полагаем, подтверждают косвенным образом указание Александра II на Нессельроде, как на автора анонимных писем²⁾.

Из воспоминаний Соллогуба выясняется, что в Вене целую зиму существовал особый род забавы—рассылать печатные бланки „с различными шутовскими дипломами на разные нелепые звания“. У виконта д'Аршиака имелся печатный образец „диплома“, посланного Пушкину. М. Д. Нессельроде, разумеется, ничего не стоило получить образцы этих бланков.

Нам представляется возможным построить в заключение следующую гипотезу, по существу не противоречащую мнению Б. Л. Модзалевского, но перемещающую тяжесть основной вины: инициатором пасквилей была М. Д. Нессельроде; самое написание их она могла поручить П. В. Долгорукову.

В. Гольцев.

---

¹⁾ „Записки А. О. Смирновой“, ч. II, стр. 22.

²⁾ Материалы, содержащиеся в восьмитомном архиве Нессельроде (Lettres et papiers du chancelier comte de Nesselrode. Paris. A. Lahure) естественным образом не проливают никакого света на дело об анонимных письмах.

МОСКОВСКИЙ ПУШКИНИСТ

I

1 8 3 7 — 1 9 2 7

СТАТЬИ и МАТЕРИАЛЫ
ПОД РЕДАКЦИЕЙ
М. ЦЯВЛОВСКОГО

★

„НИКИТИНСКИЕ СУББОТНИКИ“
МОСКВА   ↗   1927